*Башбуг Ф.* Особенности послеложных конструкций в чулымском языке / Ф. Башбуг // Научный диалог. — 2017. — № 5. — С. 9—20. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-9-20.

Başbuğ, F. (2017). Features of Postpositions in Chulym Language . *Nauchnyy dialog, 5:* 9-20. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-9-20. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 811.512.152’367.7
DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-9-20

# Особенности послеложных конструкций в чулымском языке

**© Башбуг Фырат (2017),** orcid.org/0000-0001-9824-123X, научный сотрудник, Институт САДА (Sada Sanat ve Dil Araştırmaları Enstitüsü) (Анкара, Турция), firatbasbug@gmail.com.

На материале собственной полевой работы автора рассматриваются особенности ряда послелогов в чулымском языке в сравнении с другими тюркскими языками. Отмечается, что несмотря на то, что функции послелогов имеют сходство с падежными окончаниями существительных, их функциональная сфера намного шире. Автор подчеркивает, что послелоги играют вспомогательную роль: они используются вместе с самостоятельными словами, выражают грамматическое значение падежных окончаний, а также выступают в роли связующих элементов, необходимых для установления смысловых отношений между знаменательными частями речи в предложении. Показано, что послелоги способны выражать значения места, направления, инструмента, причины и др. Отмечается, что в традиционной тюркологии послелоги признаются несклоняемыми словами. Представлено авторское исследование ряда послеложных конструкций в чулымском языке. Особое внимание уделяется семантической деривации, посредством которой образуется послелог. На примере ряда вспомогательных слов (шили, ӧжин, зӓй, -бле и др.) выявлены смысловые и грамматические связи послелогов в структуре словосочетания и предложения.

Ключевые слова: послеложная конструкция; чулымский язык; послелог; тюркские языки; языки народов Сибири.

## 1. Введение

В тюркских языках существуют языковые единицы, которые не имеют собственного значения и не используются в качестве самостоятельных слов, а непосредственно исполняют функцию замещения при образовании новых слов и объединении языковых единиц. Согласно Л. Теньеру, одному

из авторитетных исследователей в области структурализма, существуют две важные категории слов: полнозначные слова (mots pleins) и семантически пустые слова / неполнозначные слова (mots vides). К первой группе относятся слова, имеющие самостоятельные значения, выражающие абстракцию или ассоциацию и непосредственно участвующие в вербализации определенной мысли. Во вторую группу входят слова, которые не наделены семантической функцией и служат для того, чтобы отметить, пояснить какое-либо понятие либо внести дополнительные смысловые нюансы и чтобы установить связи между словами. Их также называют «грамматическими инструментами». Тогда как в таких языках, как китайский, разница между этими двумя категориями очевидна, в некоторых языках границы между ними размыты [Теньер, 1988, с. 64]. В тюркских языках, характеризующихся агглютинацией, выявить грамматические инструменты не составляет большого труда. Данные категории слов: полнозначные слова (mots pleins) и семантически пустые слова / неполнозначные слова (mots vides) — различаются по принципу семантического наполнения.

Рассматривая указанные категории слов в синтаксическом аспекте, Теньер различает ***самостоятельные слова***, которые способны образовывать словосочетания и предложения, и ***вспомогательные слова***, которые не могут создавать синтаксические конструкции, то есть не являются структурообразующими. Однако вспомогательные слова могут сопровождать самостоятельное слово, являющееся структурным центром синтаксической конструкции, тем самым становясь его частью [Теньер, 1988, с. 67]. В то же время на морфологическом уровне ученый разделяет слова на ***склоняемые***, в которых формообразующие морфемы выражают грамматические значения и служат для связи слов в словосочетании и предложении, и ***несклоняемые***, у которых связь с другими словами в словосочетании и предложении выражается аналитическим способом.

Вспомогательные единицы — это служебные части речи и форманты, которые не существуют как отдельные смысловые единицы, поэтому их нельзя использовать в отрыве от самостоятельного слова или корня. Например, в русском языке в сочетании существительного с предлогом *от дороги* предлог *о*т в отрыве от существительного дорога не передает информации, нам нужно понимать значение лексемы *дорога*; в слове *варенье* суффикс *-енj-* также лишен самостоятельного смысла без корня *-вар-* (*варить*). В турецком языке для слова *sütçü* (*молочник*) нам нужно знать значение слова *süt* (*молоко*), для конструкции *ağaç için* (*для дерева*) или *ağaç gibi* (*как дерево*) нужна информация о слове *ağaç* (*дерево*). В то время как словообразовательные морфемы — это смысловые звенья

между новой и старой информацией (как между производящей и производной основами), то словоизменительные — это вспомогательные звенья, структурирующие линейную информационную конструкцию (высказывание) [Karaağaç, 2009, s. 158].

В агглютинативных языках вспомогательные морфемы, которые не могут самостоятельно существовать в языке, обеспечивают словоизменение (склонение) слов и являются ограниченными с точки зрения их смысловой функции, принято называть ***послелогами***. Н. Хаджиэминоглу определяет послелоги как «слова, которые стоят после существительного и образуют различные связи, такие как время, место, направление, образ, причина, схожесть, различие и т. д. между существительным и другими членами предложения» [Hacıeminoğlu, 2015, s. 78]. Можно сказать, что послелоги — это независимые вспомогательные слова, не имеющие собственного значения и похожие на окончания склоняемого имени существительного, которые стоят после существительных и зависящих от них слов, способствуют установлению смысловой связи между существительным или именной группой, после которых они стоят, и другими членами предложения и выражают такие значения, как место, направление, средство, причина.

Юн-Сун Ли называет послелогами «слова, которые располагаются после существительных, местоимений и причастий и образуют связи времени, места, направления, способа, подобия и другие различные связи между существительным, местоимением и причастием, от которых они зависят, и другими членами предложения» [Li, 2004, s. 25].

**2. Понятия послелога в тюркских языках**

Послелоги — это вспомогательные единицы, передающие информацию о местоположении, направлении, границе, подобии, причине, итоге, формирующуюся при условии сочетания слов, имеющих следующее категориальное значение: «состояние + состояние» или «состояние + действие» [Karaağaç, 2009, s. 158]. Несмотря на то, что определение Л. Теньера квалифицирует вспомогательные морфемы пассивными и полностью сконцентрированными на самостоятельных морфемах, можно сказать, что послелоги в тюркских языках почти всегда меняют валентность знаменательного слова.

Так как в тюркских языках нет окончания, которое может отделиться от слова и образовать послелог, все послелоги были созданы путем семантической деривации от знаменательных частей речи. От корней существительных или глаголов образовались особые единицы, которые приобрели способность сочетаться с новыми существительными или глаголами,

обеспечивая их словоизменение, и со временем превратились в послелоги. В процессе эволюции послелогов можно наблюдать также явление их трансформации в падежные окончания.

Послелоги как вспомогательные единицы приобретают значение, только если образуют именные группы вместе с существительными или глаголами. В процессе взаимовлияния самостоятельных слов и послелогов происходит гармонизация звуков, так называемый сингармонизм.

Согласно Б. Вардару, в тюркском языке послеложные именные группы в сочетании со сказуемым становятся послеложными дополнениями (*okula doğru gitti* — ‘ушёл по направлению к школе’) [Vardar, 2002, s. 120].

**3. Послеложные группы**

Согласно Т. Бангуоглу, послеложные группы использовались для того, чтобы одно слово могло прояснить значение другого, при этом в каждой определительной группе есть как минимум два слова — определяющее (determinant) и определяемое (determined) [Banguoğlu, 1990, s. 497]. И. Делидже рассматривает послеложную группу как ряд языковых единиц, «который образуется из нескольких слов, имеет целостную структуру и значение, функционирует в качестве одной части предложения внутри самостоятельного или вводного предложения и в качестве вспомогательной или основной части внутри группы слов, а также используется вместо какой-либо категории слов (существительное, прилагательное, местоимение, послелог и т. д.)» [Delice, 2003, s. 17]. Группы могут содержать в себе более одной субъединицы, но всегда имеют только один смысловой центр. Это основное слово, являющееся центром группы, называется г л а в н ы м . Группа не может быть образована без главного слова. Послеложные группы имеют своей вершиной послелог, а зависимые компоненты называются комплементом.

Комплементы послелогов могут представлять собой именную группу или придаточное предложение. Например, в турецком языке структуры, образованные существительными и местоимениями, берут на себя функцию послеложной группы: *adam tarafından* (с помощью мужчины), *onun sayesinde* (благодаря ему) [İmer, 2011, s. 158].

Послеложные группы могут реализовывать функцию прилагательного, наречия, глагола или существительного. Такие учёные, как З. Коркмаз, М. Эргин, Н. Хаджиэминоглу, К. Эраслан, Т. Бангуоглу, рассматривают послелог в качестве слова с точки зрения формы и в качестве флексии с точки зрения функции [Korkmaz 2014; Ergin 2009; Hacıeminoğlu 2015; Eraslan 2012; Banguoğlu 1990].

М. Эргин отмечает, что послелоги как безударные единицы направляют ударение на предыдущее слово.

Согласно Л. Теньеру, слово характеризуется самостоятельностью лишь тогда, когда оно представлено в словаре, но в предложении оно утрачивает изолированность, вступает во взаимосвязи с другими словами: «Эти связи могут никак формально не выражаться. Но они необходимо обнаруживаются сознанием говорящих, без чего ни одно предложение не было бы понятным. Когда я произношу предложение Alfred parle ‘Альфред говорит’, я не имею в виду сообщить две отдельные вещи: с одной стороны, ‘имеется человек, которого зовут Альфред’, а с другой стороны, ‘кто-то говорит’. В моем сознании эти сообщения объединены: ‘Альфред выполняет действие говорения’ или ‘тот, кто говорит — это Альфред’. Отсюда вытекает, что предложение типа Alfred parle состоит не из двух элементов 1) Alfred и 2) parle 3) связь, которая их объединяет и без которой не было бы предложения. Говорить, что предложение типа Alfred parle содержит только два элемента, — значит анализировать его с чисто поверхностной, морфологической точки зрения и игнорировать самое существенное — синтаксическую связь» [Теньер, 1988, с. 22—23].

Эти «связи», о которых говорил Л. Теньер, оказывают влияние на словоизменение внутри предложений, содержащих послеложные группы. По этой причине большая часть исследований послелогов в тюркских языках сосредоточена на том, какие послелоги с какими падежными формами используются. В этой работе мы не останавливаемся на валентности послелогов, а кратко описываем функции использования послеложных групп в предложении.

**4. Некоторые послелоги чулымского языка**

***шили*** **—** ‘как’. Этот послелог выполняет такую же функцию, как русские союзы *как, подобно*. Если данный послелог сочетается с существительным для выражения значения подобия / сравнения, он актуализирует определительное значение (выступает в функции прилагательного), если связан с характеристикой глагола — обстоятельственное значение (образуется наречная группа).

В чулымском языке этот послелог обеспечивает формирование смысловой связи подобия одного предмета другому. Он образует эту связь в нескольких различных формах. Во всех словосочетаниях, где это слово используется в качестве послелога, оно управляет словом в форме именительного падежа.

(1) *а:нын чачы көп поған ағас-**шили*** (‘её волосы были густые как лес’).

(2) *адаю кижи* ***шили*** *олурған* (‘собака сидела как человек’).

(3) *адам әнәз* ***шили*** *өөл паған* (‘мой отец умер как его мать’).

***өжин*** **—** ‘для’. На основании анализа контекстов можно сказать, что этот послелог сочетается со словом в форме именительного падежа. По мнению З. Коркмаза, такие послелоги, как *üçün*, обычно требуют при себе существительного в именительном падеже для или местоимения в родительном. Они могут также следовать и за существительными и причастиями в притяжательном падеже [Korkmaz, 1988, s. 32]. Суэр Экер говорит о том же [Eker, 2011, s. 383]. Данное правило действует и в чулымском языке. Добавим, что и при использовании после причастий он требует формы родительного падежа, как в случае с местоимениями. Данное употребление является типичным почти для всех тюркских языков.

При употреблении с существительными в именительном падеже и местоимениями в родительном падеже этот послелог образует в предложении причинно-следственные и целевые связи. При использовании с причастиями настоящего или прошедшего времени он образует в предложении смысловые связи, аналогичные тем, которые в русском языке выражаются предлогами *из-за того; за то, что*. При употреблении же с причастиями будущего времени данный послелог формирует целевое значение конструкции: в переводе на русский язык она содержала бы союз *чтобы; для того, чтобы*. При использовании с прилагательными, существительными, местоимениями, указывающими на лицо, предмет, место, этот послелог выполняет функцию, схожую с функцией русского предлога *за*. В этом случае в зависимости от контекста он может выражать значение акцентирования определённой цели или значение замещения кого-либо. Например:

(4) *адам өлпаған война сонда, анам* ***өжин*** *тодўр калған äпьке*. — ‘Мой отец умер после войны, я вернулся домой из-за мамы’.

(5) *азағым* ***өжин*** *парайға кäрäк äмьнаблған кизизине.* — ‘Надо было сходить к врачу из-за ноги’.

(6) *мең* ***өжин****, сең өжин* — ‘для меня, для тебя’.

Кроме того, этот послелог имеет следующие значения:

— ‘взамен’:

(7) *ол пу теери* ***өжин*** *көп акче перген* — ‘он отдал много денег за эту кожу’.

— ‘ради, за’:

(8) *этсағам пуну остерибис* ***өжин*** — ‘сделал это ради семьи’.

— ‘о, об’:

(9) *нöме ол айтыпсаған мең* ***ожин****?* — ‘Что он сказал обо мне?’

— пропорции:

(10) *пу палык сең* ***ожин*** *тың улуг.* — ‘Эта рыба слишком велика для тебя’.

В хакасском *ӱчӱн* употребляется при существительных в основном (именительном) падеже и местоимениях в родительном падеже, выражает причинно-следственные и целевые отношения [Донидзе, 1956, с. 19].

***сай (зӓй)*** — ‘каждый’. Считается, что корень этого послелога, который на русский переводится как «каждый», произошёл от древнетюркского глагола *sa-* (*считать*) [Gabain, 1988, s. 94; Tekin, 1968, s. 164; Tekin, 2003, s. 151]. В тюркских языках он используется в различных фонетических вариантах. Он не встречается в тюркских языках огузской группы (исключение составляет туркменский язык). Этот послелог в чулымско-тюркском языке требует существительного в именительном падеже. При использовании во временном значении он указывает на ситуации, когда субъект совершает действие постоянно или когда действие, которое не связано напрямую с подлежащим, повторяется через определенные промежутки времени:

(11) *кӱн* ***зӓй*** — ‘ежедневно’, *ир зай* — ‘каждый вечер’, *щыл зай* — ‘каждый год’;

(12) *мӓн кӱн* ***зӓй*** *щӧрублум палықтавлым.* — ‘Я каждый день хожу на рыбалку’.

Мы не встретили употребления этого послелога в чулымском в значении пространства, в котором он используется в алтайском. Мы не смогли найти также подобного употребления в хакасском и шорском языках.

***-бле*** — ‘с’. Этот послелог имеет различные фонетические варианты, такие как *birle, birlen, belen, ilen, menen, man, nan, bile, bıla, pilen, pülen, pa, ba*, и называется послелогом-аффиксом. В тугальском диалекте чулымского языка этот послелог-аффикс используется в варианте *-бла / -бле* и имеет такую же функцию, что и послелог *бирле / бирге*. Ср. также у алтайцев: *-la, -le, -lo, -lö* [Дыренкова, 1940, с. 219]; у лебединских татар: *-bla, -la, -le* [Баскаков, 1985, с. 49]; у кумандинцов: *-bla, -pla -la* [Баскаков, 1972, с. 74]; в тофаларском языке: *-bla* [Дыренкова, 1963, с. 12]; у желтых уйгуров: *-la* [Тенищев, 1966, с. 54]; в тувинском: *-bile*; в шорском: *-pa, -ba, -ma* и его вариантах [Дыренкова, 1941, с. 239]. В тувинском существует два разных слова *bile*, одно из которых является послелогом, а другое — союзом. Союз *bile* пишется раздельно, а послелог — через дефис [Исхаков и др., 1961, с. 438].

Приведем примеры употребления послеслога *-бле*:

— в инструментальном значении:

(13) *кӓмӓ****била*** *парсқабс* — ‘на лодке поехали’;

(14) *па:лығын ичизи пычак-****бла*** *актиге кӓрӓк* — ‘надо чистить рыбу ножом’;

(15) *киши äштиб**ле** қулақла, кори**блä** қарақла*. — ‘Человек слышит ушами, видит глазами’ [Дульзон, 1973, с. 195].

— в значении совместного действия:

(16) *кичегеч углан паған аға:зың**ла** ағач аразында*. — ‘Мальчик с отцом шел лесом’ [Там же].

По мнению Н. Ф. Катанова, исследовавшего хакасские диалекты, это слово почти во всех диалектах аффиксировалось: «В сагайском диалекте творительный падеж оформляется аффиксами *-наң, -нэң: колнаң* (‘рукою’), *карнаң* (‘снегом’). Есть еще древние аффиксы, употребляемые только некоторыми стариками сагайского племени, как *-пыла, -пілэ, -была, -білэ: ағаспыла* (‘палкою’), *палтыбыла* (‘топором’), *сöспіле* (‘со соловом’), *кізібіле* (‘человеком’)» [Катанов, 1973, с. 73].

***шени (шене, сене)*** — ‘ДО, ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО’. Нельзя сказать, что данный послелог является широко распространённым в тюркских языках. Ю. Ли обнаружил его только в шорском и отнёс его происхождение к монгольскому слову *çеп*. Считается, что это слово пришло из китайского языка (*цянь, qian* ， 前 — китайская мера веса, равная примерно 4 граммам) и означает ‘железная монета, рынок, одна десятая часть весовой единицы лян’ [Li, 2004, s. 440; Räsänen, 1969, p. 104]. В процессе полевых исследований мы обнаружили следующие примеры этого послелога, который обычно требует именительного падежа существительного:

— в значении измерения:

(17) *пу щыл 5 кило **щене** мöд саг:ам*. — ‘В этом году я собрал почти 5 кг мёда’.

— в значении времени:

(18) *пис щоребс пас кӱн **сене***. — ‘Мы ездили около 5 дней’.

(19) *маг пӱзäндин парсқан он пас щыл **сене***. — ‘С тех пор около 15 лет прошло’.

***ÄЙЛÄНДЕРÄ*** — ‘ВОКРУГ’. Считается, что этот послелог образовался от деепричастия. Исходный глагол *aylandır-* имеет значения ‘поворачивать’, ‘разворачивать’ [Баскаков, 1953, с. 20]. *Aylandır* — это побудительный залог глагола *aylan* (поворачиваться); при использовании в качестве послелога слово имеет значения ‘вокруг’, ‘в окружении’. Кроме функции послелога, может выполнять функцию наречия. Этот послелог в тюркских языках используется, чтобы указать на положение движущегося объекта по отношению к неподвижному объекту или чтобы описать два недвижущихся объекта, близких друг к другу.

В чулымском языке он управляет винительным падежом [Бирюкович, 1981, с. 102], например:

(20) *мени* ***айлäндерä*** *сас полған.* — ‘Вокруг меня было болото’.

(21) *се:ң шäде:неңны* ***айлäндерä*** *ағач.* — ‘Вокруг твоего двора деревья’.

## 5. Заключение

В тюркских языках смысловые связи послелогов могут изменяться, их значения ограничены функцией послеложной группы в предложении, образованной вместе с самостоятельными словами, к которым они присоединены. Эти группы могут быть выполнять в предложении функции прилагательного и наречия. Исследование чулымского языка позволяет утверждать, что послелоги могут стать любым членом предложения при образовании послеложной группы. Эта особенность является причиной того, что послелоги играют роль важных элементов предложения на синтаксическом уровне. В результате исследования послеложных групп в чулымском языке мы пришли к следующим выводам:

— послеложные группы в предложении реализуют функции прилагательного и наречия;

— в качестве прилагательного они входят в группу сказуемого, а образуя прилагательные группы, могут занимать место любого члена предложения со свойствами имени;

— в качестве наречия послеложные группы чаще всего следуют в предложении за глаголом (в том числе вспомогательным) или прилагательным.

Мы увидели, что послеложные группы, образованные с целью сравнения / уподобления, берут на себя функцию определения в сочетании с существительным и функцию обстоятельства в сочетании с глаголом. Было показано, что, как в случае с вспомогательным словом *öжин*, послелоги в составе своей группы могут выражать причинно-следственные, ограничительно-временные, относительные и многие другие смыслы. Кроме того, следует заметить, что существуют спорные аспекты отнесения языковых единиц к послелогам в тех случаях, когда послелоги приобретают характеристики имен существительных.

### Литература

1. *Баскаков Н. А.* Диалект Лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). Грамматический очерк, тексты, переводы, словарь / Н. А. Баскаков. — Москва : Наука, 1985. — 233 с.

*2. Баскаков Н. А.* К вопросу о происхождении условной формы на-са/-се в тюркских языках / Н. А. Баскаков // Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию : сборник статей. — Москва, 1953. — 344 с.

3. *Бирюкович Р. М.* Морфология чулымско-тюркского языка : в 2-х частях / Р. М. Бирюкович. — Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1981. — Ч. II. — 184 с.

4. *Донидзе Г. И.* Послелоги в хакасском языке / Г. И. Донидзе // Записки Хакасского НИИ языка, литературы и истории. Вып. 4. — Абакан : Хакасское книжное издательство, 1956. — С. 3—32.

5. *Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка / Н. П. Дыренкова. — Москва-Ленинград : Изд-во АН СССР, 1940. — 303 с.

6. *Дыренкова Н. П.* Грамматика шорского языка / Н. П. Дыренкова. — Москва-Ленинград : АН СССР, 1941. — 308 с.

7. *Дульзон А. П.* Материалы по диалектологии тюркских наречий Западной Сибири / А. П. Дульзон // Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ. Вып. XVIII. — Абакан, 1973. — С. 187—207

8. *Исхаков Ф. Г.* Грамматика тувинского языка : Фонетика и морфология / Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. — Москва : Изд-во восточной литературы, 1961. — 472 с.

9. *Катанов Н. Ф.* О звуках сагайского диалекта / Н. Ф. Катанов // Диалекты хакасского языка : очерки и материалы. — Абакан, 1973. — С. 67—79.

10. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер / пер. с фр. И. М. Богуславского. — Москва : Прогресс, 1988. — 655 с.

11. *Тенишев Э. Р.* Язык желтых уйгуров / Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева. — Москва : Наука, 1966. — 84 с.

12. *Banguoğlu T.* Türkçenin Grameri / T. Banguoğlu. — Ankara : Türk Dil Kurumu, 1990. — 628 s.

13. *Delice İ.* Türkçe Sözdizimi / İ. Delice. — İstanbul : Kitabevi, 2003. —280 s.

14. *Eraslan K.* Eski Uygur Türkçesi Grameri / K. Eraslan. — Ankara : Türk Dil Kurumu, 2012. — 664 s.

15. *Ergin M.* Türk Dil Bilgisi / M. Ergin. İstanbul : Bayrak, 2009. — 407 s.

16. *von Gabain A.* Eski Türkçenin grameri / A. von Gabain, M. Akalın (çev). — Ankara : Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, Türk Dil Kurumu, 1988. — 313 s.

17. *Hacıeminoğlu N.* Türk Dilinde Edatlar / N. Hacıeminoğlu. — İstanbul : Bilge Kültür Sanat, 2015. — 336 s.

18. *İmer K.* Dilbilim Sözlüğü / K. İmer, S. Özsoy, A. Kocaman. — İstanbul : Boğaziçi Üniversitesi, 2011. — 351 s.

19. *Karaağaç G.* Edat Üzerine Düşünceler / G. Karaağaç // Gazi Türkiyat. — 2009. — № 5. — S. 157—169.

20. *Korkmaz Z.* Ucun~ucun~icin vb. Çekim Edatlarının Yapısı Üzerine / Z. Korkmaz // Türk Dili Yıllığı 3. Belleten 1961. — Ankara : Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, Türk Dil Kurumu, 1988. — S. 31—35.

21. *Korkmaz Z.* Türkiye Türkçesi Grameri Şekil Bilgisi / Z. Korkmaz. — Ankara : Türk Dil Kurumu, 2014. — 1027 s.

22. *Li Yong-Song.* Türk Dillerinde Sontakılar / Li Yong-Song. — Istanbul : Kebikeç, 2004. — 913 s.

23. *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen / M. Räsänen. — Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura, 1969. — 533 S.

24. *Tekin T.* A grammar of Orkhon Turkic / T. Tekin. — Bloomington : Indiana University, 1968. — 419 p.

25. *Tekin T.* Orhon Türkçesi Grameri / T. Tekin. — İstanbul : Sanat Kitabevi, 2003. — 272 s.

26. *Vardar Berke*. Açıklamalı Dilbilim Terimleri Sözlüğü / Berke Vardar, Nüket Güz, Emel Huber, Osman Senemoğlu, Erdim Öztokat. — İstanbul : Multilingual, 2002. — 300 s.

## Features of Postpositions in Chulym Language

**© Başbuğ Fırat (2017),** researcher, Sada Institute for Arts and Languages (Ankara, Turkey), firatbasbug@gmail.com.

The article considers several postpositions in Chulym as compared with other Turkic languages. It is noted that despite the fact that their functions have similarities with those of nominal cases, their functional scope is much wider. The author emphasizes that postpositions play an auxiliary role: they are used together with independent words to express grammatical meaning of case endings, and also help to establish semantic relations between lexical words in a sentence. It is shown that postpositions are able to express meanings of place, direction, instrument, reason, etc. It is noted that in traditional Turkic studies postpositions are recognized as uninflected words. The author's study of postpositional constructions in Chulym language is presented. Special attention is paid to semantic derivation, by which the postposition is formed. Semantic and grammatical links of postpositions within the structure of phrases and sentences are demonstrated on examples of a number of postpositions (шили, ӧжин, зӓй, -бле etc.).

Key words: postpositional construction; Chulym language; postposition; Turkic languages; languages of the peoples of Siberia.

**References**

Banguoğlu, T. 1990. *Türkçenin Grameri*. Ankara: Türk Dil Kurumu. (In Turk.).

Baskakov, N. A. 1985. *Dialekt Lebedinskikh tatar-chalkantsev (kuu-kizhi)*. Grammaticheskiy ocherk, teksty, perevody, slovar'. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Baskakov, N. A. 1953. K voprosu o proiskhozhdenii uslovnoy formy na-sa/-se v tyurkskikh yazykakh. In: *Akademiku Vladimiru Aleksandrovichu Gordlevskomu k yego semidesyatipyatiletiyu:* sbornik statey. Moskva. (In Russ.).

Biryukovich, R. M. 1981. *Morfologiya chulymsko-tyurkskogo yazyka:* v 2-kh, II. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta. (In Russ.).

Delice, İ. 2003. *Türkçe Sözdizimi*. İstanbul: Kitabevi. (In Turk.).

Dil, ve Tarih. 1995. *Yüksek Kurumu, Türk Dil Kurumu*. Yayınlar. (In Turk.).

Donidze, G. I. 1956. Poslelogi v khakasskom yazyke. In: *Zapiski Khakasskogo NII yazyka, literatury i istorii*, 4. Abakan: Khakasskoye knizhnoye izdatelstvo. 3—32. (In Russ.).

Dulzon, A. P. 1973. Materialy po dialektologii tyurkskikh narechiy Zapadnoy Sibiri. In: *Uchenyye zapiski Khakasskogo NIIYaLI, XVIII.* Abakan. 187—207. (In Russ.).

Dyrenkova, N. P. 1940. *Grammatika oyrotskogo yazyka.* Moskva-Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (In Russ.).

Dyrenkova, N. P. 1941. *Grammatika shorskogo yazyka.* Moskva-Leningrad: AN SSSR. (In Russ.).

Eraslan, K. 2012. *Eski Uygur Türkçesi Grameri*. Ankara: Türk Dil Kurumu. (In Turk.).

Ergin, M. 2009. *Türk Dil Bilgisi*. İstanbul: Bayrak. (In Turk.).

Gabain, A. von, Akalın, Mehmet (çev). 1988. Eski Türkçenin grameri. Ankara: Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, Türk Dil Kurumu. (In Turk.).

Hacıeminoğlu, N. 2015. *Türk Dilinde Edatlar*. İstanbul: Bilge Kültür Sanat. (In Turk.).

İmer, K., Özsoy, S., Kocaman, A. 2011. *Dilbilim Sözlüğü*. İstanbul: Boğaziçi Üniversitesi. (In Turk.).

Iskhakov, F. G., Palmbakh, A. A. 1961. *Grammatika tuvinskogo yazyka: Fonetika i morfologiya.* Moskva: Izd-vo vostochnoy literatury. (In Russ.).

Katanov, N. F. 1973. O zvukakh sagayskogo dialekta. In: *Dialekty khakasskogo yazyka: ocherki i materialy*. Abakan. 67—79. (In Russ.).

Tenishev, E. R., Todayeva, B. Kh. 1966. *Yazyk zheltykh uygurov*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Tenyer, L. 1988. *Osnovy strukturnogo sintaksisa*. Moskva: Progress. (In Russ.).

Karaağaç, G. 2009. Edat Üzerine Düşünceler. *Gazi Türkiyat, 5:* 157—169. (In Turk.).

Korkmaz, Z. 1988. Ucun~ucun~icin vb. Çekim Edatlarının Yapısı Üzerine. In: *Türk Dili Yıllığı 3. Belleten 1961*. Ankara: Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, Türk Dil Kurumu. 31—35. (In Turk.).

Korkmaz, Z. 2014. *Türkiye Türkçesi Grameri Şekil Bilgisi*. Ankara: Türk Dil Kurumu. (In Turk.).

Li, Yong-Song. 2004. *Türk Dillerinde Sontakılar*. Istanbul: Kebikeç. (In Turk.).

Räsänen, M. 1969. *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura. (In Germ.).

Tekin, T. 1968. *A grammar of Orkhon Turkic*. Bloomington: Indiana University.

Tekin, T. 2003. *Orhon Türkçesi Grameri*. İstanbul: Sanat Kitabevi. (In Turk.).

Vardar, Berke, Nüket Güz, Emel Huber, Osman Senemoğlu, Erdim Öztokat. 2002. *Açıklamalı Dilbilim Terimleri Sözlüğü*. İstanbul: Multilingual. (In Turk.).